

— Мастер, так жить невозможно! Три года, уже три года прошло, скажи мне, как он до сих пор не устал... — У Совэй сидел в кабинете и причитал на чем свет стоит, а Цзян Сяошуай, кривя губы, бесконечно слушал его нытье.

— Ты сам сказал — три года. Ты ко мне каждые пару дней прибегаешь поплакаться. Если ты сам не устал, с чего бы ему устать?

У Совэй схватил Цзян Сяошуаю за руку, заставляя его оторваться от экрана компьютера.

— Нельзя так говорить! Раньше я плакал понарошку, но ты знаешь, что он сотворил сегодня?

— Что? — глаза Цзян Сяошуаю загорелись любопытством, а рука сама потянулась к коробке со снеками под столом.

В этот момент Го Чэньюй замедлил шаг, осторожно подошел ближе и наострил уши, подслушивая.

— Он транслировал нашу личную жизнь Ван Чжэню! А ведь это мой кумир, мне теперь жить не хочется...

— Черт, вот это поворот! — Го Чэньюй плюхнулся на край стола и привычным движением выхватил у Цзян Сяошуаю надкусанную дыню, отправив её себе в рот.

У Совэй внезапно осекся, замолчал и, подняв заплаканные глаза, увидел жующего Го Чэньюя. Его икнуло, и он разрыдался ещё пуще прежнего. Все кончено. Теперь все всё знают, он окончательно опозорился.

Го Чэньюй, любитель подлить масла в огонь, вытащил телефон и набрал номер Ван Шо. Трубку взяли не сразу, но как только соединение установилось, оттуда раздался оглушительный рев Ван Шо:

— Не держите меня! Я иду разбираться с Чи Чэном! Он сделал это нарочно, он специально меня провоцирует, а-а-а...

У Совэй и Цзян Сяошуай в оцепенении уставились на Го Чэньюя, не понимая, что происходит.

— Зачем ты ему звонишь? — Цзян Сяошуай резко вскочил и выхватил телефон из рук Го Чэньюя.

— Цзян Сяошуай, Да Вэй у тебя? Попроси его подойти к телефону, — раздался в трубке голос Ван Чжэня, полный усталости.

Цзян Сяошуай перевел взгляд на У Совэя, его лицо выражало крайнее недоумение. У Совэй принялся отчаянно махать руками, его светлое лицо покраснело, как у вареного рака. Уголки губ Го Чэньюя поползли вверх — если бы телефон не был в руках Сяошуая, он бы обязательно записал этот момент и отправил Чи Чэну. Его маленький дикий кот тоже умеет бояться. Он уже представлял, как Чи Чэн сейчас закипает от ревности — должно быть, это очень весело.

Цзян Сяошуай не выдержал вида своего друга, попавшего в неловкую ситуацию:

— О, он ушел, его здесь нет.

У Совэй беззвучно ударил по столу, губами спрашивая Цзян Сяошуая: Неужели ты не мог сказать, что я вообще не приходил?

Го Чэньюй выхватил телефон:

— У вас есть дело к У Совэю? Я могу передать.

На том конце провода на мгновение повисла тишина:

— Как-нибудь соберемся вместе, я угощаю.

— Хорошо.

Го Чэньюй решительно нажал на отбой, начал крутить телефон в пальцах, как волчок, и с усмешкой посмотрел на У Совэя.

У Совэй встал и, указывая на Го Чэньюя, процедил сквозь зубы:

— Наслаждайся моим позором, рано или поздно тебе это аукнется.

Сказав это, он в ярости схватил портфель и выскочил из кабинета. Го Чэньюй расхохотался, хлопая ладонью по столу.

— С тебя хватит. Да Вэю и так нелегко, не надо ему еще больше портить жизнь, — голос Цзян Сяошуая прозвучал холодно и с упреком.

Го Чэньюй тут же притих, спрыгнул со стола, втиснулся в кресло к Цзян Сяошуаю и крепко его обнял.

— Ему нелегко? А мне легко? Ты хоть знаешь, сколько крупных инвестиций Чи Чэн сорвал у меня из-за него?

Цзян Сяошуай вздохнул, почистил апельсин и сунул дольку Го Чэньюю в рот:

— Ты же знаешь, почему Да Вэй так старается. Просто помоги ему, зачем из-за такой мелочи злиться?

Го Чэньюй, жуя апельсин, игриво укусил Сяошуаю за кончик пальца, за что тут же получил шлепок по плечу.

— Мы на работе, веди себя прилично.

— Тогда вечером дома буду вести себя неприлично. — Он крепче обнял Сяошуаю за тонкую талию, чувствуя, что тот в последнее время похудел — надо бы его подкормить.

Цзян Сяошуай вспыхнул и решительно вернулся к теме:

— Ты же знаешь, отец Чи всегда презирал Да Вэя. Тот из кожи вон лезет, чтобы добиться его признания в бизнесе. Как лучший друг Чи Чэна, если ты не поможешь ему, то кто? Больше не вставляй ему палки в колеса.

— Да Вэй, Да Вэй... Ты только о нем и говоришь. Когда ты начнешь каждый день произносить мое имя?

Видя, что тот снова начинает ревновать, Цзян Сяошуай поспешно оттолкнул его:

— Отстань, жара такая, еще вспотеет, как два жука...

— Не отстану. — Го Чэньюй снова прижался к нему, ему нравился свежий запах Сяошуаю с легким привкусом горьких лекарств.

— Я проголодался.

Го Чэньюй тут же вскочил и направился к выходу:

— Жди, я сам что-нибудь приготовлю и скоро пришлю тебе.

Наконец-то можно спокойно поработать. Уголки губ Цзян Сяошуаю невольно поползли вверх.

...

Ваш внук звонит вам, ваш внук...

У Совэй только сел в машину, как телефон начал надрываться, отчего у него разболелась голова. Он сердито ответил:

— Кто это?!

— Господин У, вы где? Разве мы не договаривались о встрече с господином Лэ?

Господин Лэ!

Зрачки У Совэя сузились. Как он мог забыть о таком важном деле? Все из-за этого Чи Чэна!

— Скажи господину Лэ, что я застрял в пробке, буду с минуты на минуту.

У Совэй зажал телефон плечом, быстро завел машину и выехал с парковки. Под ярким солнцем его машина скрылась вдали.

В кустах человек, полностью закутанный в ветровку и медицинскую маску, не переставая, щелкал затвором камеры, снимая машину У Совэя. Проходивший мимо Го Чэньюй заметил номер машины, рывкнул:

— Эй, ты что делаешь?

Человек вздрогнул, развернулся и бросился наутек. Го Чэньюй среагировал мгновенно и бросился в погоню, но на перекрестке увидел, как незнакомец запрыгнул в машину с подложными номерами и быстро скрылся.

Что-то не так. Очень не так. Го Чэньюй набрал номер Чи Чэна.

В это время Чи Чэн сидел дома, охваченный яростью. В спальне стоял густой дым, а на неубранной кровати повсюду чувствовался запах У Совэя, отчего он с силой ударил по матрасу. День за днем, только и делает, что злит его. Еще и разъехаться вздумал? Разъехаться к чертовой матери! Вечером он схватит его и заставит ответить за всё.

Раздался телефонный звонок. Потушив окурок о пепельницу, он взял телефон и, глядя на экран, ответил:

— Что случилось?

Раздался осторожный голос Го Чэньюя. Зрачки Чи Чэна сузились, а в глазах промелькнул холодный, змеиный блеск.

— Жди, я сейчас приеду.

Три года прошло, а кто-то все еще смеет трогать его людей. Это чистое самоубийство.

*

В элитном ресторане по кругу играли симфонии Бетховена. У Совэй глубоко вздохнул и толкнул тяжелую дверь банкетного зала. Атмосфера в комнате, до этого шумная, мгновенно застыла. Все взгляды устремились к дверям.

— Прошу прощения, я опоздал.

У Совэй подхватил бокал с подноса официанта и, чтобы сгладить неловкость, с легкой улыбкой осушил его в качестве штрафной.

— Отличная выдержка! — человек во главе стола захлопал в ладоши и перевел взгляд на того, кто сидел справа. — Господин Лэ, я ведь не зря заставил вас ждать, верно? Видите, господин У настроен серьезно.

У Совэй проследил за взглядом посредника и посмотрел на почетного гостя. Глаза его невольно блеснули. Красивый, очень красивый мужчина. Холодный, высокомерный, от него исходила аура человека, чье положение невозможно измерить деньгами. Разве это тот самый «сальный тип», о котором говорил Чи Чэн? Да это же эталон успешного бизнесмена.

— Господин Лэ, много наслышан о вас, наконец-то довелось встретиться лично, — У Совэй улыбнулся и протянул руку.

Господин Лэ не только не встал, но и холодным, как у ястреба, взглядом окинул У Совэя, в котором читалась явная враждебность. У Совэй смущенно опустил руку.

— Это не я хотел с тобой встретиться... — произнес господин Лэ. Его голос был глубоким, бархатистым, с отчетливой сексуальной ноткой.

<http://bllate.org/book/19184/1883436>